

Юсупова Лариса Марабековна

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ АНТИУТОПИИ

В статье рассматривается проблема человеческой идентичности в пространстве антиутопий как моделей социально-политического развития XX-XXI вв. Автор исследует состояние личности человека в тоталитарных и потребительских обществах. Особое внимание уделяется противостоянию механизмов социального давления и личной свободы индивидуума. Автор приходит к выводу об отсутствии универсальной стратегии конструирования человеческой идентичности в обществах, описанных в антиутопиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 209-211. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается проблема человеческой идентичности в пространстве антиутопий как модели социально-политического развития XX-XXI вв. Автор исследует состояние личности человека в тоталитарных и потребительских обществах. Особое внимание уделяется противостоянию механизмов социального давления и личной свободы индивидуума. Автор приходит к выводу об отсутствии универсальной стратегии конструирования человеческой идентичности в обществах, описанных в антиутопиях.

Ключевые слова и фразы: антиутопия; человеческая идентичность; тоталитаризм; массовое общество; общество потребления.

Юсупова Лариса Марабековна

*Астраханский государственный университет
yusupovalara@gmail.com*

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ АНТИУТОПИИ[©]

Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил.

Ф. М. Достоевский

Традиционным пониманием антиутопии является представление ее как литературного жанра XX века, в котором критически осмысляются концепции идеального общества. В центре антиутопий, как правило, тоталитарное (или близкое к нему) общество будущего, где различные стороны общественной жизни строго регламентируются правительством, которому так или иначе пытается противостоять протагонист. Значимость антиутопии для социально-философского осмысления человека, на наш взгляд, заключается в ее остром противопоставлении личности и общества, благодаря которому исследователь может выстроить четкие критерии дивергенции этих двух объектов. Подобно тому, как естествоиспытатели ищут предельные состояния целостности вещества, доводя его до крайних температур, антиутописты пытаются найти предел прочности человеческой души в доведенной до абсурда социальной среде.

Примечательно, что антиутопия как жанр появляется в эпоху развитого индустриализма, когда рождается массовое общество, появляются мегаполисы, совершенствуются технологии коммуникации. В этот период начала XX века появляются проекты переустройства общества на основе рационализаторских доктрин, базирующихся на безоговорочной вере в научные институты и технический прогресс. В противовес этим концепциям сначала у мыслителей (прежде всего русских религиозных философов), а затем и у представителей искусства возникает критическое понимание возможностей построения общества на основе унификации человеческой личности. Данные авторы пытаются заставить читателя «мыслить антиутопически», т.е. осознать, что идеальный общественный порядок есть лишенная своего гуманистического измерения дефективная социальная модель. Содержание и границы этой модели регламентируются в различных формальных и неформальных институтах: право, политика, культура, пропаганда и т.д. В таком случае антиутопическое мышление есть мышление анти-идеологическое, есть попытка выйти за пределы механизмов «сужения» человеческого духа в рамки идеальных доктрин. Можно сказать, что антиутопия, с философской стороны, характеризуется возвратом к «миру вещей» конкретного человеческого существования из «мира идей» общественно-политической системы.

В центре антиутопии – психологический конфликт индивида, мечущегося между подчинением строгому общественному порядку и желанием поступать исходя из внутреннего побуждения. Фактически речь идет о противостоянии индивидуального коллективизированному. (Однако не следует путать индивидуальное с индивидуализированным, которое ярко показано в «О дивном новом мире» [6], и коллективное с коллективизированным, продемонстрированным в «1984» [7].) Поиск человеком своей спрятанной, затравленной индивидуальности, как кажется на первый взгляд, дает ему смысл существования в отчужденном мире антиутопии.

Но какие пути есть у человека для обретения подлинного «Я» в мире тотальных социокультурных шаблонов? Конечно, всегда есть возможность прямого социального бунта, выраженного в вооруженной борьбе, но, как правило, политические режимы в антиутопиях на корню лишают людей возможности любого организованного действия. Система политического контроля не позволяет человеку пойти дальше «мыслепреступления». Отсюда вытекает вторая стратегия протеста – внутренняя независимость. Она заключается в осознании индивидом всей античеловечности социальной системы, которое не проявляется в публичном поведении. Подобную стратегию избирает герой «1984» Уинстон Смит, который, понимая всю тотальную порочность общественного порядка, старается не проявлять каких-либо признаков независимого мышления, следуя социальному протоколу «от» и «до».

Если общество насаждает определенные модели поведения, регламентируя как конформистский, так и неконформистский (обратите внимание на культурную нишу молодежных субкультур) образ жизни, тогда необходим радикальный отказ от всех предлагаемых шаблонов в пользу фундаментального отрицания общественных ценностей. Данная стратегия реализовалась в индейской резервации «О дивного нового мира». Фактически индейцы сформировали альтернативную реальность в противовес обществу тотального потребления.

Однако их сообщество было строго отграничено от основного мира и могло быть стерто с лица планеты совершенными технологиями жителей «нового мира». Примитивность такого существования вдали от всех социальных благ конюмеристской цивилизации являлась лучшим инструментом демонстрации превосходства общества технологий. Но поиск идентичности приводит Дикаря к самоубийству, т.к. его человеческая сущность обусловлена опытом проживания в резервации. Его идентичность есть идентичность индейца. Так антиутопии подтверждают, что попытки найти себя в любом обществе, попытки представить себя независимым существом, обречены. Все мы, так или иначе, втиснуты в общественные рамки с различной степенью сжатия этих социальных тисков. Стремления пойти наперекор общественному течению подчас заканчиваются более плачевно для индивида, чем последствия его конформистского существования. За обретение экзистенции человек расплачивается в лучшем случае социальной изоляцией, в худшем – смертью.

В свою очередь, достижение идентичности, твердых, неотчуждаемых основ существования отнюдь не приводит цивилизацию к состоянию гармонии и процветания. Так, общество взаимного уничтожения, описанное в «Дневнике Тёрнера», предельно дезинтегрированное после ядерной войны [4]. В критической ситуации человек пытается выжить, обращаясь к наиболее надежным механизмам самосохранения – биологическим, что приводит общество к жуткой расовой сегрегации и тотальному межгрупповому террору. Действительно, наиболее предельная форма человеческой сущности – животная. Именно она срывается, когда все остальные социальные нормы неприемлемы.

В данном контексте примечательны воспоминания Уинстона Смита о детстве. Только в них герой находит элементы подлинного человеческого существования. Особое внимание в своих воспоминаниях он уделяет фигуре своей матери, которая в противовес Старшему Брату несет Уинстону только добро и заботу. Образы Отца и Матери в истории тоталитарных режимов, как мы видим, глубоко символичны. Если образ Отца в виде диктатора означает строгое подчинение народа политическому воле, то образ Матери как народной свободолобтивной души, захваченной жестоким Отцом, означает вечное желание освободиться от удушающей отцовской «любви».

Многие выдающиеся социологи XX века, такие как Г. Лебон, Г. Тард, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе, были убеждены в том, что с развитием массового общества фактически теряется индивидуальность не столько в контексте внешней атрибутики (одежда, вещи, вербальные модели), сколько в плане способности к критическому осмыслению происходящего. Подобно тому, как современные маркетологи формируют желания и потребности, в натуральности которых уверен потребитель, так и политики прививают необходимые им идеологические предпочтения населению. Человеку эпохи массмедиа сложно определить, действительно ли он хочет чего-либо или его убедили в этом, что ему это нужно. Также тоталитарные режимы хорошо понимают, что неуправляемая сексуальность является сильнейшим разрушающим социальным фактором. Биополитические механизмы регулирования общественной жизни запускаются в явных и скрытых формах, образуя у человека желательное либидозное поведение. Например, в Советском Союзе буйную молодежную сексуальную энергию сублимировали в трудовую, спортивную, псевдовоенную деятельность. Для молодежи общества потребления существуют субкультуры, клубы, компьютерные игры. Контроль и корректирование поведения следуют за человеком от рождения и до самой смерти. Как считает М. Фуко, формирование института психиатрии является наглядным примером того, как политической властью вырабатывается желательная модель индивидуума [10]. Г. Маркузе в работе «Одномерный человек» [5] рассматривает индустриальное общество как одну большую систему подавления, формирующую у человека потребности, желания, программы поведения и образа жизни. Это царство «комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе» [Там же, с. 1]. Рационалистский характер всей системы организации индустриального общества больше не ставит человеческие права и свободы на ценностный пьедестал, а исходит исключительно из практической эффективности той или иной формы коммуникации между индивидами. Засилье технократии образует специфическую форму социализации человека, где вся человеческая жизнь складывается как промышленный ресурс, мышление, поступки и эмоции которого целиком и полностью встраиваются в систему государственно-рыночного управления. Человек в таком обществе лишен возможности иметь собственное «Я», т.к. полностью конструируется социальными институтами, адаптируясь в окружающей среде. Насаждение определенного образа мыслей в развитом индустриальном обществе происходит благодаря широкому применению разнообразных манипулятивных технологий: от рекламной продукции до политической пропаганды. При этом, по мнению Г. Маркузе, у человека заранее не может возникнуть чувство неправильности или нерациональности сложившейся системы, т.к. она преподносится как самая свободная и гуманная. Вектор подчинения индивида социально-экономической целесообразности и эффективности направлен в сторону увеличения возрастающей роли научно-технического прогресса в жизни обычных людей. Примитивизация мышления в формате отсутствия осмысления и объяснения уничтожает даже воображаемую гипотетическую попытку «мыслить иначе» в «одномерном» обществе, превращающем «научный и технический прогресс в инструмент господства» [Там же, с. 21]. Репрессивность налагается извне как обязательное условие существования индивида в обществе. В результате изменение индивидуального поведения в нерепрессивном ключе будет находиться в неснимающемся противостоянии с социально-экономической системой развитого индустриального общества. «Одномерное» общество полностью интегрирует в себя индивида со всем его мышлением и поведением и в итоге контролирует человека.

Как мы видим, антиутопические произведения ставят в центр своего послания гуманистические вопросы, повествуют о глубоких проблемах человеческого духа в эпоху как развитых технологий («О дивный новый

мир»), так и в период примитивизации («Повелитель мух» [2]). Так, по мнению исследователей Р. Гальцевой и И. Роднянской, «всем утопиям, переупорядочивающим жизнь, поперек дороги стоит свобода человека <...>. Теоретики утопизма, подбадривают себя <...> тем, что «человек бесконечно податлив», что — природу человека вторым мы». Однако зловещая и бесплодная практика, о которой поведали антиутопии XX столетия, свидетельствует о том, что задача эта неисполнима: преобразованная в заданном направлении природа человека оказывается уже не человеческой. Человека можно испортить, но переделать его нельзя» [1, с. 230]. Антиутописты говорят нам о том, как важно оставаться человеком в любом общественном строе, при любом политическом режиме и историческом отрезке. Если позволить «сузить» свою человеческую «широту», ради каких бы то ни было великих идеалов, то эти идеалы могут быть политическими, общественными, историческими, но никогда не могут быть человеческими.

Список литературы

1. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопии // Новый мир. 1988. № 12. С. 217-230.
2. Голдинг У. Повелитель мух. Шпиль. М.: АСТ, 2009. 349 с.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2010. 781 с.
4. Макдональд Э. Дневник Тёрнера. Екатеринбург: Ультра; Культура, 2003. 344 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 386 с.
6. О, дивный новый мир: английская антиутопия: романы: сб. / сост. А. П. Шишкин. М.: Прогресс, 1990. 640 с.
7. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. М.: АСТ, 2009. 361 с.
8. Тузовский И. Д. Образ будущего в современных социокультурных концепциях (на материале анализа футурологии и антиутопий): автореф. дисс. ... к. культурологии. Челябинск, 2009. 26 с.
9. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2009. 312 с.
10. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010. 256 с.

PROBLEM OF HUMAN IDENTITY IN SPACE OF ANTIUTOPIA

Yusupova Larisa Marabekovna

Astrakhan State University

yusupovalara@gmail.com

The article deals with the problem of human identity in the space of antiutopias as models of socio-political development of the XX-XXI centuries. The author studies the state of human identity in totalitarian and consumer societies. Special attention is paid to the confrontation of the mechanisms of social pressure and the personal liberty of an individual. The author comes to the conclusion that there is no universal strategy of human identity construction in societies described in antiutopias.

Key words and phrases: antiutopia; human identity; totalitarianism; mass society; consumer society.

УДК 94(73).086–4889/1893”

Исторические науки и археология

Статья посвящена становлению крупного бизнеса в Соединённых Штатах Америки в конце XIX в., его взаимоотношениям с Конгрессом США, а также отношению к проблеме монополизма представителей двух главных американских политических партий. Отдельно рассматриваются закон о межштатной торговле 1887 г. и его значение, а также принятие антитрестовского закона сенатора Джона Шермана 1890 г., который является фундаментом американского антимонопольного законодательства.

Ключевые слова и фразы: конгресс США; крупный бизнес; монополии; антитрестовский закон Шермана; голосование.

Ярыгин Вадим Владимирович

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Yaryginvv84@gmail.com

КРУПНЫЙ БИЗНЕС И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ США В КОНЦЕ XIX В. АНТИТРЕСТОВСКИЙ ЗАКОН ШЕРМАНА ©

Во второй половине XIX столетия Америка переживала бурный экономический рост. Он был обусловлен невиданной доселе концентрацией финансового, материально-технического и людского капитала. Именно в этот период в США появляются первые крупные объединения в разных отраслях народного хозяйства.